

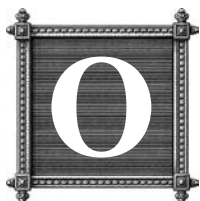
ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА

Часть I

УРОКИ ЖИЗНИ, ИЛИ ПРОСТОЙ ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ

бращаясь к ранним летам жизни необыкновенного царя, невольно стремишься найти на берегах пресловутой реки времени свидетельства неординарности Петра и поэтому особенно внимательно рассматриваешь его учебные тетради, первые письма, записки.

Но ничто не говорит нам о грядущем гении. Мальчик, родившийся в день св. Исаакия Далматского, 30 мая 1672 года, ничем особенным не отличался от своих многочисленных братьев и сестер. Брак Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, заключенный 22 января 1671 года, был для 40-летнего царя вторым. От предыдущего брака с Марией Ильиничной Милославской родилось 13 детей, среди которых были Федор, Иван и Софья. В 1676 году Алексей Михайлович умер, передав престол старшему из сыновей — Федору Алексеевичу, юноше болезненному и хилому. Федор правил недолго — в конце апреля 1682 года он скончался. На совете высших сановников государства судьба трона решается не в пользу следующего по старшинству сына Алексея Михайловича — Ивана, а в пользу 10-летнего Петра. Это неожиданное решение было вызвано как активными интригами семейства Нарышкиных, вошедших вслед за молодой царицей во дворец, так и тем обстоятельством, что живой, здоровый мальчик много выигрывал в сравнении с Иваном, как бы несшим на себе черты вырождения. Возможно, что осознание этого факта, помимо политической борь-

бы, повлияло на ответственное решение Боярской думы нарушить традицию передачи трона по прямой мужской нисходящей линии от старшего (Федора) к младшему (Ивану). Однако группировка Нарышкиных недооценила противника. Милославские во главе с властной, честолюбивой царевной Софьей сумели возбудить недовольство стрельцов и с их помощью 15 мая 1682 года совершить кровавый государственный переворот. На престоле утвердился триумвират: к Петру присоединился Иван, а соправительницей на правах регентши при них была провозглашена Софья — для Петра ситуация в политическом смысле тупиковая.

Вдовствующая царица Наталья Кирилловна со всеми домочадцами выехала из Кремлевского дворца и поселилась в Преображенском — одной из пригородных резиденций, кольцом окружавших тогдашнюю Москву.

Все эти события, совершавшиеся независимо от воли и желаний Петра, стали фоном начальных лет жизни будущего реформатора России, и они же определили многое из того необычайного, что впоследствии составило его яркую индивидуальность. По великолепным книгам Ивана Забелина «Быт московских царей» и «Быт московских цариц» мы можем вполне реально представить себе жизнь двора, царской резиденции. Коротко говоря, Кремль XVII века — это мир церемоний и условностей, складывавшихся столетиями стереотипов поведения, это освященная традициями замкнутая система, в целом мало способствовавшая развитию индивидуальности. Ни одно публичное мероприятие с участием царя не обходилось без соблюдения довольно жестких церемониальных условий. Выезды самодержца за пределы Кремля — а это, как правило, были богоугодные поездки по окрестным монастырям или церквям — воспринимались как события государственного значения. Даже выход царя на лед Москвы-реки 6 января к иордани — ритуальной проруби — в традиционный праздник Водосвятия обставлялся как важное событие и назывался «походом», причем в Кремле — по терминологии тех времен «в Верху» — оставалась назначенная царем специальная комиссия бояр и других думных чинов для того, чтобы на время отсутствия царя государству «не убыло и потерьки не было».

Силою политических обстоятельств Петр был как бы выброшен из этой системы. Разумеется, он появлялся в Кремле в дни официальных праздников и аудиенций, но все это было чуждо ему и даже, учитывая отношение к нему родственников по отцу, враждебно. Преображенское с бытом летней царской дачи — резиденции, окруженной полями, лесами, — дало ему то, что резко способствовало развитию его способностей: свободу времяпрепровождения с минимумом обязательных занятий и максимумом игр, которые, как и всегда бывает у мальчишек, носили военный характер. С годами они усложнялись, а так как участниками этих игр были не куклы, а живые люди, мальчишки, ровесники Петра, то обучающее и развивающее значение этих игр было огромно. Уже здесь проявились присущие Петру природные данные: живость восприятия, неугомонность и неиссякаемая энергия, страстность и самозабвенная увлеченность игрой, незаметно переходящей в дело. Благодаря этому «потешные» солдаты и старый английский бот, найденный в сарае, не остались только игрушками, а стали началом будущего грандиозного дела, преобразовавшего Россию.

Московская площадь в конце XVII столетия

Важно еще одно обстоятельство. Совсем рядом от Преображенского располагалась так называемая Немецкая слобода — Кокуй, поселение иностранцев, приехавших в Россию из разных европейских стран. По традиции того времени это поселение купцов, дипломатов, ландскнехтов было отделено от города оградой. Кокуй был своеобразной моделью Европы, где рядом — так же тесно, как в Европе, — жили католики и протестанты, немцы и французы, англичане и шотландцы. Этот странный, непохожий на Москву мир Кокуя занимал любопытное внимание Петра первоначально, вероятно, как редкость, курьез, привлекал своей непохожестью с миром Кремля, Преображенского. Знакомство с иноземцами — интересными, образованными людьми — Францем Лефортом, Патриком Гордоном, непривычные вещи, обычаи, многоязычие, а потом и первые интимные впечатления в доме виноторговца Монса, где жила его дочь, красавица Анна, — все это облегчило Петру (предки которого мыли руки из серебряного кувшина после церемонии «допуска к руке» иностранного посла) преодоление невидимого, но прочного психологического барьера, разделявшего два чуждых друг другу мира — православной Руси и «богопротивной» Европы, барьера, который и ныне преодолевать так нелегко.

Приход Петра к власти летом 1689 года стал разрешением давно зревшего политического кризиса, вызванного неестественным состоянием фактического двоевластия. Но, как и в мае 1682 года, в августе 1689-го Петр был в значительной степени влеком ходом событий, не направляя их. Благоприятные обстоятельства способствовали свержению Софьи и практически бескровному переходу власти самодержца к нему...

Тогда эта власть еще не была нужна ему как рычаг для реформ, идеи их еще не созрели в сознании Петра. Именно поэтому еще десять лет длился для России ее «настоящий» XVII век, почти в точности совпавший с окончанием века календарного. Но и это десятилетие не пропало даром для Петра — гений его зрел, чтобы в конце десятилетия, на грани двух веков, выплеснуть на страну целый поток идей, ее преобразивших.

Нужно выделить три важных события тех лет, повлиявших на становление Петра-реформатора. Во-первых, это две его поездки

в Архангельск в 1693 и 1694 годах. Обыкновенное «потешное» путешествие в город на Белом море, несомненно, стало крупным событием в жизни молодого царя. Он впервые увидел настоящее море, настоящие корабли, совершил первое плавание в беспокойной и опасной стихии, так непохожей на гладь прудов Подмосковья и Плещеева озера. Это дало мощный толчок фантазии, появилась мечта о море для России, возник подлинный культ корабля, морской стихии. С той архангельской поры, как писал историк М. М. Богословский, «шум морских волн, морской воздух, морская стихия тянут его к себе и с годами сделаются для него необходимой потребностью. У него разовьется органическое стремление к морю».

Действительно, как так получилось, что море и корабли заняли особое место в жизни этого человека, все предки которого родились и умерли, видя перед собой лишь всхолмленные просторы Велико-русской равнины?

Как курица, воспитавшая уплывающего от нее утенка, беспокоилась на берегу мать Петра Наталья Кирилловна, посылая в Архангельск одно за другим тревожные письма: «Сотвори, свет мой, нада мною милость, приезжай к нам, батюшка наш, не замешкав. Ей-ей, свет мой, велика мне печаль, что тебя, света своего, радости, не вижу. Писал ты, радость моя, ка мне, что хочешь всех кораблей даждатца и ты, свет мой, видел каторыя прежде пришли: чево тебе, радость моя, тех... даждатца? Не презри, батюшка мой свет, моего прашения, о чем прасила выше сего. Писал ты, радость моя, ка мне, что был на море и ты, свет мой, обещался мне, что было не хадить...»

Но изменить уже ничего было невозможно, корабли, море стали судьбой Петра, были с ним наяву и даже во сне. Сохранившиеся записи снов, которые делал царь уже в зрелые годы, отражают эту всепоглощающую страсть: «1714 г., ноября с 9-го на 10-е: сон видел: [корабль] в зеленых флагах, в Петербурге... Сон видел, тогда как в Померанию вошли: что был я на галиоте, на котором мачты с парусы были не по препорции, на котором галиоте поехали и обрат его оборотили на бок и воды захлебнулось, с которого попадали и поплыли к другому борту, и обратно к дому, и после поехали, и у себя приказал воду выливать».